

Алексей Клочковский

ЛЮБИТЬ И ВЕРИТЬ

Алексей Клочковский

Любить и верить

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ключковский А.

Любить и верить / А. Ключковский — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Проза высокой пробы. Энциклопедия российской действительности.
Продолжение традиций – и новые ответы на вечные вопросы. Пронзительная, глубокая, настоящая Литература.

© Ключковский А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Сверхновая	6
Перед обрывом	7
Приглашение	10
Вечный вопрос	11
Пятьсот и один день	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Алексей Клочковский

Любить и верить

Система не может познать свое собственное устройство, если не поднимется на следующий уровень развития.

Одно из возможных толкований «теоремы о неполноте» Гёделя

Сверхновая

Как на костре, горел в постели Олег. Возбуждение из-за того, что произошло, не давало уснуть. Подложив руку под голову, он думал о жене. Точнее, о ее неожиданном желании... Уйти от него? Как?! «Ну, хватит уже об этом!.. Сколько можно?» – одернул себя Вещинский. Чтобы отвлечься, он стал смотреть в темное окно, на мерцающие песчинки звезд. Где-то среди них находилась сверхновая, которую, как сообщалось в новостях, совсем недавно обнаружили ученые. «Кажется, предыдущую сверхновую заметил четыреста лет назад Кеплер. Удивительно...» – думал Олег. Что именно удивительно, не так просто было сформулировать. Волновал размах ритма звездной механики, явившей во времена Олега то же, что и во времена Кеплера, и тем объединившей эпохи, пространства, далеких и разных людей.

Олег вспомнил, как, будучи подростком, он часто видел сон, вызывавший такое же волнение перед таинственным и величественным. В том сне он находился посреди песчаных просторов; вокруг не было ничего, кроме песка. Он отчетливо различал отдельные терракотового цвета крупинки, и сам он был одной из крупинок, хотя и видел все как бы со стороны. Песок начинал двигаться, вращаться всё быстрее, образовывалась воронка, она расширялась и вместе с тем углублялась к центру. Олег-песчинка, брезвально расслабленный, плыл, увлекаемый шуршащими струями песка, и поначалу движение было приятным, убаюкивающим... Он поворачивался, переворачивался, у него начинала кружиться голова... Где верх, низ? Олегу становилось страшно. Он как будто отдался от воронки бесконечно далеко, но она от этого не уменьшалась, а, наоборот, увеличивалась до невообразимо огромных размеров, и задыхающийся Олег-песчинка плыл к центру воронки, чтобы, как в песочных часах, выйдя с другой стороны, очутиться в измерении нового времени. Он сопротивлялся движению и в то же время хотел оказаться с той стороны, а затягивающее отверстие приближалась, у Олега перехватывало дыхание... и он просыпался, упервшись взглядом в темноту.

Воспоминание растаяло. Олег вздохнул.

– М-м... – рядом в постели шевельнулась жена. Олег чуть отодвинулся, чтоб не задеть и не разбудить ее.

От долгого смотрения казалось, что окно приблизилось. Олег начал задремывать, то приопуская веки, то вдруг поднимая их. Когда он открывал глаза, ему в полусонье мерещилось, что звезды за окном медленно падают вниз все разом, как снежинки, или нет, как песчинки в том давнем сне. Но сейчас Олег не чувствовал страха, как тогда, потому что знал, что все невзрачные песчинки, несшие его, потому и стали звездами, что выдержали удушающий закрут и, выйдя с другой стороны воронки, в прекрасном и величавом потоке как путеводную несли сверхновую.

...Олег крепко спал. И время не имело значения для его сознания, для этого удивительного дара, способного соединять далёкое и близкое и пренебрегать расстояниями между «настоящим» и «прошлым».

Перед обрывом

...«Сегодня пятое июня 1988-го года», – написал Олег вверху чистого листа. Подумав несколько мгновений, он закрыл свой дневник, решив сделать запись позже, и отправился в кухню. Сев у стола и положив ногу на ногу, он принялся намазывать маслом кусок хлеба. Мякиш был крупно-пористый, а корка почему-то пахла свежеструганный доской. Олег с хлюпом глотнул кофе, с наслаждением ощущая его горячесть и легкую горечь, пробивающуюся сквозь сладость, и откусил хлеб. Жуя и покачивая тапком на пальцах ног, он взглянул через окно поверх крыши, антенн и труб соседских домов. Дальше виднелся луг, дорога, поднимавшаяся по холмам, еще дальше, далеко-далеко, стояла неровная стенка соснового леса. Несмотря на расстояние, Олегу казалось, что он различает даже верхушки отдельных стволов на полотне ясного утреннего неба. Олег хлебнул еще, и снова «полетел» взглядом туда, вдаль, к краешку леса. Допив, перевел взгляд на клеенку, покрывающую стол. Около тарелки с хлебом клеенка была продырявлена. А рядом изгибался узор, две параллельные кривые. «Женские ягодицы в полуурофиль», – мелькнуло у Олега в голове, как мелькало обычно, когда ему на глаза попадался этот орнамент. Он отодвинул стул и направился к выходу.

Легкость летнего утра охватила его, когда он вышел из подъезда. «Каникулы, каникулы!» – радостно телепатировал Олег самому себе, направляясь к своему «другу» Петровичу. «Друга» заключил в кавычки отец, потому что Петрович годился шестнадцатилетнему Олегу в деды. Работал закавыченный друг художником-оформителем в совхозной конторе. В ее темном коридоре Олег прошагал по скрипучим половицам до самой дальней двери, откуда слышалась приближающаяся дребезжащая музыка, и потянул дверь на себя. Пахнуло смесью краски и ацетона, едкой, но для Олега привычной, как и все, что являлось принадлежностью этой влекущей его комнаты.

– Здрасьте! Вы пришли? – искоса взглянув на Олега, ехидно прошепелявил старик. Он сидел, нога на ногу, с мандолиной в руках, склонив набок голову с плестью, как у Ильича, который виднелся на плакате, прислоненном в углу. Пониже плеши, за ухом у Петровича торчал карандаш.

– Здорово! Че делаешь? – спросил Олег, проходя и заглядывая в листы ватмана на столе с таблицами надоев.

– Да-а, надо вот тут подготовить… – глядя в мутное, грязное окно, произнес Петрович непередаваемо пренебрежительным тоном, мол, на кой мне черт все это, и отложил мандолину.

– Эть!.. – всколыхнулся он со стула, когда Олег чуть не уронил на ватман бутыль с краской. Олег сел на свое обычное место – по правую руку окно, впереди Петрович, восседавший за столом, за спиной – «спальня». Мастерская служила оформителю и жилищем. В углу, отгороженном парой стульев от остальной части комнаты, лежал старый матрас, а по стене к нему низко подползал провод, заканчивающийся лампочкой в полуметре от пола. Это и была «спальня» Петровича, а лампочка ему была нужна для ежевечернего чтения. Вокруг, прямо на полу, были беспорядочно свалены кипы подписных изданий по искусству. Олег сел на качающийся стул с рваным матерчатым сиденьем и вытащил из кипы «Советского художника» с не очень чистой обложкой.

– Н-н, тэ-эк… – промычал Петрович, взял лупу и наклонился над раскрытым газетой «За рубежом».

Оба углубились в чтение. Перелистывая страницы, Олег просматривал репродукции и пояснения к ним. Рубленые, лапидарные изображения героев труда у доменных печей или посреди пшеничного поля очень напоминали то, что рисовал Петрович на праздничных транспарантах. Это было неинтересно. Дальше помещалась статья о Микеланджело. Здесь глазам Олега стало сладко, будто вкус и зрение перепутались, встретившись с микеланджеловской

роскошью и сложностью переплетения цвета от клубничной розовизны к шоколадной насыщенности и моховой зелени. Но на следующей странице могло быть еще интересней, и Олег, предвкушая это, снова перелистнул.

– В Монтевидео в минувший понедельник разбился пассажирский авиалайнер. Погибло сто сорок человек, – прочитал Петрович вслух и добавил: – Ну и хрен с ними!

Олег ухмыльнулся, качнув головой. Он уже взял другой журнал. Там его внимание привлекли репродукции картин Ван Гога. Особенно «Ивы на закате». Олег всматривался в аляповатое, размытое нагромождение цветовых пятен и у него постепенно возникало удивительное ощущение, будто он понимает, что чувствовал художник, когда он у себя сто лет назад смотрел на эти самые ивы. Как будто глаза Олега стали глазами давно умершего Ван Гога. И чем внимательнее и дольше он смотрел, тем сильнее становилось ощущение, будто он понял, что хотел передать художник этой картиной, и картина ему уже не казалась, как поначалу, неаккуратным нагромождением пятен. Наоборот, она выглядела все реальней и реальней, картина словно всасывала в себя, вот они – совсем рядом, ветви в напряженно-борцовом цвете заката. А Ван Гогу, наверное, было жарко, и сквозь полуопущенные ресницы он глядел на все это в разморенной дреме, не желая шевелиться, чтобы не спугнуть удовольствие от редко красивого освещения.

– Что там? – вывел Олега из гипноза подошедший Петрович. – Вана Гога? – исковеркал он по своей привычке. – Хороший мужик, хороший...

Дверь открылась. Вошел дворник Николай, расчищавший территорию около конторы. Он устроился рядом с Олегом.

– Чай, чай – выручай! – бормотал Петрович, возившийся в углу возле двух обгорелых кирпичей, на которых стояла фыркающая и булькающая кастрюлька с кипятильником. – Олежка... тебе налить?

– Не! – поморщившись, помотал тот головой. Он искал в текстах слова «импрессионизм» и «экспрессионизм», беря журнал за журналом. Когда он вытягивал очередной, стопа рухнула. Удерживая ее, Николай с кряхтеньем нагнулся и тоже взял экземпляр. Глотнув крепкий до черноты чай из алюминиевой кружки, он раскрыл журнал.

Олег, наконец, нашел оба искомых слова. «Севиньянк», – прочитал он имя под репродукцией. Вглядываясь в нее, Олег укрепился в мнении, что эта манера привлекает его. Николай заглянул ему через плечо.

– Гхы-гхы!.. – ухмыльнулся он. – Что это нарисовано? Ну-у... – он махнул рукой и неторопливо продолжил. – Вот я видел картину... в больнице... человек нарисован. Так там если рука – да рука, каждая жилочка видна. Вот это художник! А эта-а... Что здесь нарисовано? Ниче непонятно...

– Все понятно, – Олег стал показывать и объяснять, что именно нарисовано. Заметив, что Николай улыбается его объяснениям, он замолчал.

– Нет, я считаю, это не искусство! – так же неторопливо подытожил Николай. То, что он улыбался, было Олегу неприятно, но только слегка – ведь это был всего лишь Николай, и Олег погрузился в рассматривание журналов, не слушая, о чем говорят рядом.

Гладкие страницы бликовали от света солнца, проникавшего сквозь мутное и «веснушчатое» от мушиных следов оконное стекло. Олег отодвинул в тень. На одной из страниц он увидел заголовок, от которого его сердце забилось чаще... Страница выскользнула из-под пальцев, Олег нетерпеливо залистал, возвращаясь к ней. Сложные узоры на одной репродукции; голый человек, руками выжимающий себя, как белье после стирки – на другой; портрет, весь пронизанный тонюсенькими разноцветными линиями-ниточками на третьей. Автор – пациент психиатрической клиники. «Хм... Может, Филонов тоже душевнобольной?» – подумал Олег, потому что увиденное очень было похоже на работы этого художника. Но автор напечатанных репродукций, в отличие от Филонова, был никому неизвестен. «Почему так? В чем раз-

ница-то?» – нахмурился Олег. Он все же нашел в тексте фамилию автора, но через минуту забыл и ее, и название клиники, в которой тот находился.

– Ладно, эт-само... Олег!.. – подойдя, сказал Петрович. – Ты бы шел... – просящим, но не выгоняющим тоном произнес он. Олег понял, что Петрович и Николай собираются выпить, но боятся, что в мастерскую заглянет кто-нибудь из начальства и подумают, что здесь еще и малолетку спаивают.

– Ладно, пойду я! – поднялся Олег. – Я возьму журналы?..

«Почему так?» – по дороге домой думал Олег, вспоминая Филонова и увиденное в журнале. Дома он уселся перед телевизором. Отец возился на кухне. Поглядев немного на экран, Олег встал. Он походил по комнате и подошел к кухонной двери.

– Ты чего? – обернулся отец – в переднике, с тряпкой в руках.

– Пап... Как ты думаешь, что такое настоящое искусство? – стесняясь вопроса, спросил Олег.

– Настоящее искусство – это такое, которое нужно людям, – отвернулся отец, бросая тряпку на стол.

– Как понять – нужно? – если бы Олег не стеснялся, он сказал бы «что значит» вместо «как понять».

– Нужно – значит, нравится. Пусти-ка... – отец потеснил сына, направляясь в ванную.

«Нравится... Ну вот Николаюта картина не понравилась. А мне понравилась!..» – уйдя в спальню, думал Олег. Он представил, что могла бы сказать сестра, увидев ту картину. Или Петька. Их реакции были бы своеобразнее и сложнее, чем просто «нравится – не нравится». Особенно у Петьки. «Каким людям должно нравиться искусство?.. Нет, наверное, «нравится» – неточный... критерий», – по привычке с некоторым трудом, но все же «выговорил» Олег «умное» слово – в мыслях-то его можно было не стесняться. «А какой все-таки точный?» – он хотел опять пойти спросить у отца, но передумал – ведь отец уже дал ему ответ своим окончательно-уверенным тоном. Но после этого ответа у Олега снова возник вопрос, хотя отец уже дал ответ. Хм... Почему отец не может, как раньше, давать такие ответы, чтобы после них уже больше не возникали вопросы?

Олег почувствовал себя странно – как будто он шел по дороге, а она вывела на обрыв и, сделав еще шаг, можно было полететь в пустоту. Что – ему самому, что ли, придется искать ответ?

Приглашение

В туалете было тесно; не рассеиваясь, слоисто висел табачный дым. Олег, всегда чувствовавший некоторую скованность в местах скопления людей, посмотрел по сторонам, ища место спокойнейшее. В самом спокойном месте, в углу около подоконника, Олег увидел невысокого толстячка немного странного вида. Во-первых, он выглядел гораздо старше других студентов, лет на тридцать с лишком. Во-вторых, из под его распахнутого пиджака выглядывал какой-то небуднично-нарядный, змеисто-узорчатый жилет. «Похож на автора «Аэлиты»», – подумал Олег и подошел к нему:

– Спичек не будет?

Толстячок блеснул очками на Олега, хлопнул себя по карманам, полез во внутренний. Не найдя спичек, протянул горящую сигарету. Олег приставил кончик своей сигареты к огоньку и подкурил.

– Мм!.. Спасибо... – кивнул он, слезно жмурясь от дыма, полезшего в глаза.

– А вы-ы... с какого отделения? – глуховатым, но довольно приятным голосом вежливо спросил толстячок.

– С музыкального... с первого курса.

– Антон! – толстячок протянул ладонь. Они пожали друг другу руки. Антон, с присвистом выпуская струю дыма изо рта, артистично-преувеличенно закинул назад голову, покрытую редкими светлыми волосами. Вообще, во всех его движениях ощущалась некоторая неестественность, как будто он играл роль на сцене. Этим он обращал на себя внимание, и Олегу было интересно наблюдать за его «игрой».

– Можно взглянуть? – кивнул Олег на выглядывающую из кармана Антона книгу небольшого формата, на обложке которой было написано «В. Розанов».

– Увлекаетесь философией? – Антон по-особому взглянул на Олега, вынул и протянул книгу.

– Ну-у... как сказать... – протянул Олег важно и многозначительно. Новый знакомый становился ему все интереснее.

– А вы читали Ясперса? – спросил Антон.

– Н-нет, что-то не помню... забыл...

– А Юнга? Гуссерля?

– Юнга читал, – ответил Олег, поскольку признаваться, что не читал, не хотелось, а тем более, о Юнге ему что-то встречалось в предисловии к «Введению в психоанализ» Фрейда.

– Бердяева? Соловьева? – продолжал нападать Антон.

Олег решил, что пора оказать достойный отпор:

– Я Ницше читал...

Звонок вызвал в курящей публике волнение. Поддаваясь общему движению, новые знакомые были вынесены из туалета в коридор.

– А знаешь что? Приходи сегодня ко мне на работу... у меня ночной дежурство как раз... посидим, побеседуем... – торопливо и громко сказал Антон.

Шумные потоки студентов поталкивали их из стороны в сторону.

– А где ты работаешь?

Антон назвал адрес.

– Я с другом приду, ладно?

Антон гостеприимно размашисто закивал, и новые знакомые были унесены в разные аудитории каждый своим потоком.

Вечный вопрос

Олег и Костя почти дошли до музея, располагавшегося в старинном здании. Снежок печеневько похрупывал под ногами. У входа Олег поправил шляпу и длинный шарф, окольцевавший шею. Железная дверь с медленным скрежетом открылась.

– О!.. Заходите, заходите! – торопливо забормотал Антон.

Кроме них еще никого не было.

– Ну, что решать будем? – спросил Олег.

– Пивка возьмем? Здесь точка недалеко, еще работает, – выдал Антон полу вопрос-полу предложение.

– Да ну, чего с него ловить?! Лучше вина! – запротестовал Олег. Костя подержал пивную инициативу Антона. Дуэт перевесил соло, и друзья отправились на набережную.

Вечер вытекал в розовую закатную трещину горизонта между речным руслом и преском темно-синего облачного покрова. На набережной из-за позднего времени было очень мало покупателей. Но и пива было мало, оно закончилось, когда в очереди перед ними осталось только два человека. Другую точку уже закрыли, а ресторан находился далеко. Друзья, подсчитав деньги, решили зайти в магазин. А через пять минут уже двинулись в обратный путь.

Вино, темное, как пришедший вечер, глухо булькало в бутылке за пазухой Олега. Морозная дымка, смешиваясь со светом фонарей, накрывала радужным маревом городские улицы, по которым быстрым шагом шли Олег с Костей. Когда они вернулись, почти все приглашенные были в сборе.

«...Есть там лес голубиных чучел и заря в антикварном мраке...» – словами Лорки думал Олег, гулко щелкая подошвами по блестящему музейному паркету.

Сделав поворот вслед за Антоном, друзья очутились в круглой комнате, стены которой плавно перетекали в низкий куполообразный потолок. Слева, словно бульдозером сгребённая, неаккуратно громоздилась стопа фанерных щитов, рядом стоял измазанный красками мольберт. Справа к стене прижался круглый стол, посередине которого стояла канистра. За столом расположился разнообразный народ. Обменявшиеся рукопожатиями со всеми, Олег и Костя уселись.

Пару минут раздавалось звяканье стаканов и шуршание разворачиваемых газетных свертков с закуской. Антон с пыхтением вцепился в бутылку.

– Покк!! – рассталась бутылка с пробкой.

Антон всем налил в стаканы. Олег глотнул. Горячий поток прокатился по пищеводу и флёр легкого предхмелья окутал голову... Олег наконец расслабился.

Ринчин, маленький бурят с непропорционально большими кистями рук, которого Антон называл вторым Брюсом Ли, поскольку Ринчин серьезно занимался каратэ, развернулся назад и с хитрой многообещающей миной вынул из сумки книгу с яркой обложкой.

– Вот, смотрите-ка! – Ринчин открыл страницу, на которой были изображены непонятные знаки. Сидящие за столом подались вперед.

– Символика мистических учений Востока... Свастика, использованная немецкими фашистами – это «суувастик», тибетский знак вечного движения. Правонаправленный суувастик обозначает прогресс, движение в будущее, левонаправленный – разрушение. Но, поскольку разрушение – это тоже созидание...

– Созидание руин, – бормотнул безработный пролетарий без в/о Степа Шилин, протягивая руку за стаканом с вином.

– ...А созидание, в свою очередь, невозможно без разрушения старого, то оба варианта отражают...

– Да погоди, Ринчин, – вмешался Антон. – Давайте еще вмажем.

Издалека через несколько комнат раздался звонок.

– Я сейчас! – Антон выскочил из-за стола. Через минуту он вернулся вместе с аспирантом Григорием.

– А, привет, коллега! – насмешливо подал голос Степа.

«Коллегой» он называл Григория потому, что тот был физик, а самому Степе друзья дали прозвище «метафизик» за интерес к «вечным» вопросам. Впрочем, «вечные» вопросы здесь волновали всех.

– Что вы нам, коллега, сегодня расскажете? Какие новости в мире науки? Смысл жизни уже найден? – ехидно спросил Степа. Черноволосый и в черном свитере Григорий молча спокойно сел и поправил очки.

– Смысл жизни?! Чёрт бы его побрал… Столько, сколько существует человек, то есть около пяти тысяч лет, он задает вопрос: «В чем смысл жизни?» – проворчал Антон, наливая Григорию вина. Тот кивнул, чуть слышно буркнув «благодарю».

– Вот! Вот и я о том: пять тысяч лет спрашивать и не получать ответа – однако! Почему ж так выходит? – с вызовом воскликнул Степа, кивнув Олегу, будто приглашая его к сочувствию в данном вопросе. Степа, несмотря на поверхностное знакомство с Олегом, относился к нему почему-то с преувеличенным уважением, может, из-за строгого галстука идержанной, серьезной манеры общения, и, рассказывая что-либо или доказывая свою точку зрения в компании, всегда взглядами и жестами к нему апеллировал.

Григорий кашлянул и негромко произнес:

– Вопрос: в каком случае невозможно получить ответ на вопрос? Ответ: если вопрос неправильно поставлен.

Олег убрал ноги под стул и, подавшись вперед, вставил:

– Ницше говорил: «Я никогда не ломал голову над вопросами, которые таковыми не являются»…

Григорий кивнул и продолжил:

– Вопрос о смысле жизни, видимо, поставлен неправильно, поэтому как раз вопросом не является. Возможно, оттого на него несколько тысяч лет люди и не находили ответа.

– А не настало ли, в конце концов, время поставить его правильно?! – иронично и патетически воскликнул Антон, приподняв брови. Остальные заухмылялись. Повисла пауза.

– А почему вообще этот вопрос волнует человека, зачем человек ищет ответ на него? – вдруг спросил Ринчин серьезно и проникновенно. Григорий заговорил, и теперь в его негромком голосе слышалось некоторое оживление:

– Разберем этот вопрос по косточкам. Тут надо определиться, какую жизнь мы имеем в виду – человеческую, жизнь других созданий природы или бытие в целом. Возьмем человеческую жизнь. Она представляет собой существование в рамках определенной, человеческой биологической структуры. Что такое «смысл»? Это то, что необходимо для существования чего бы то ни было. Что такое «в чём»? Иначе можно сказать – «где?» То есть речь о местонахождении. «В чём» означает – где, среди каких понятий. Итак, что получилось? Среди каких понятий находится то, что необходимо для существования в рамках человеческой биологической структуры? Или иначе – что является стержнем человеческой жизни, без чего ее не может быть? Вот так звучит расшифрованный вопрос «В чем смысл жизни?»…

Все, кроме Олега и Ринчина, задумчиво курили.

– Ну так и что же является стержнем человеческой жизни, без чего ее не может быть? – нетерпеливо спросил Степа.

– Если мы пойдем самым эффективным, но и самым жестким исследовательским путем – путем исключения, исключения того, без чего человеческая жизнь может быть, то мы обнаружим, что ответ на вопрос «Без чего не может быть жизни?» начинает дробиться на множество вариантов, подвариантов и их ответвлений. То есть дать единый и простой ответ довольно

сложно... И вот тут начинается самое интересное! От сложности рождается вопрос о вопросе, – Григорий указал ладонью на Ринчина, – а почему, по какой причине он вообще возникает, вопрос «В чем смысл жизни»? Зачем мы ищем его?

Григорий на секунду замолк, затем продолжил:

– Пойдем от основ: почему человек вообще что-либо в принципе ищет? Потому, что у него имеется потребность в этом исскомом. Например, человек хочет жрать, – Григорий взял ломтик огурца и хрустнул им, – поэтому идет и охотится на мамонта, или идет в магазин и покупает продукты. На поиск пищи толкает потребность в ней.

– А на поиск смысла жизни какая потребность толкает? – спросил Олег. Григорий проигнорировал его реплику.

– Или посмотрим на проблему с другой стороны: чего мы хотим от ответа на вопрос «В чем смысл жизни?» Представим, что у нас уже есть ответ на этот вопрос; вот они, – Григорий потряс ладонями в воздухе перед собой, – эти несколько соблазнительных фраз, объясняющих и меняющих всю нашу жизнь. Ну и?.. Что мы хотим получить от этих фраз?

– Мы хотим уничтожить червячка, который грызет нам душу и постоянно напоминает: «К чему вся эта мотня – утром кофе, на работу, с работы, семья, детишки, машина, ссоры, веселье, жратва, болезни, и так изо дня в день, а потом – будьте добры в деревянный футляр, и два метра грунта над головой. Так к чему была вся эта мотня?» – подал голос Антон.

– Может, правда, – именно наличие смерти заставляет задавать вопрос о смысле жизни? – неуверенно выговорил парень, имени которого Олег не помнил.

– Вопрос, конечно, интересный, но ответ на него мы не узнаем, потому что не знаем пока, каково жить без смерти, – с громким вздохом произнес Степа. Остальные зашумели, ерзая и двигая стульями.

– А ну-ка, попробуем иначе: относительно каждого вопроса есть три варианта – ответ есть, ответа нет, ответ есть эвентually, то есть при определенных условиях... – повысив голос, увлеченно заговорил Григорий.

– Там, парам, паарам!.. – покачивая головой, начал напевать Степа, взявший в руки гитару. Но ни его, ни Григория уже никто не слушал. Захмелевшие любомудры разделились на пары и тройки близко сидящих со своими внутренними разговорами...

Активность обмена мнениями нарастала, пока Ринчин, уже женатый, не вспомнил, что ему пора домой. Народ как-то сразу начал расходиться.

Пятьсот и один день

За окном недобро посвистывала выюга поздней зимы 199... года, а за кадром голос комментатора звучал еще более зловеще, чем музыка. На телекране мелькали кадры криминальной хроники.

– Ты бы сходил, мать встретил, – сказал отец; он чинил фотоаппарат рядом, насупившись сквозь очки на поблескивающий обнаженный механизм.

Олег промолчал, не в состоянии оторваться от экрана, на котором возникали то кришнайты, то разукрашенные, как цирковые клоуны, сатанисты.

– Слышишь?! – громче повторил отец.

– А? – притворился Олег.

– Я говорю – мать надо встретить.

– У-ум-м!.. – недовольно промычал Олег. – Здесь же рядом... чего тут идти, да и сумок у нее сейчас, наверное, нет.

– Иди-иди!

Олег, вздохнув, оторвался от лицезрения кришнайтов и стал одеваться. Всунув ноги в валенки и застегнув шубу изнского меха, он открыл дверь.

– Ты куда это собрался? – вместе с шаркающими шагами послышался голос матери, в полутемном подъезде поднимающейся по лестнице.

– Что-то ты долго сегодня... – произнес отец, выглянув в прихожую.

– Только сейчас зарплату выдали!

Отец щелкнул языком.

– О-о, ну, толкотня, ну, толкотня была! Как начали выдавать, так народ про очередь забыл! Ле-езет, понимаешь, по головам! – стягивая сапог, возбужденно вспоминала розовощекая с холода мать. – И никто, ну, никто не одернет хамов! Главное, все со мной соглашаются – да, да, так нельзя, а сами же тех, кто понаглей, пропускают и слова не скажут! Тьфу!

Олег слушал, и у него учащалось сердцебиение: хотелось немедленно оказаться в той самой очереди и со смаком набить морду наглецу, лезущему по головам. «Простонародье...» – неприязненно думал он, однако знал, что, если бы он действительно оказался в той очереди, то, скорее всего, предпочел бы сделать вид, что ничего особенного не происходит.

Мать пристроила пальто на вешалку и прошла в комнату.

– Да это еще хорошо, что выдали! Сейчас в очереди с женщинами разговаривали, так сказали, что на прошлой неделе Зарипова – помнишь ее? – доярка, с четырех утра очередь заняла, чтоб зарплату получить. Представляешь?! Уж она просила-просила, чтоб выдали... И выдали-то только потому, что ей на похороны зятя деньги нужны были... Нам-то, бюджетникам, хоть всего на два месяца задерживают, а им, в совхозе – на шесть месяцев!

Отец снова щелкнул языком, качнул головой:

– Раньше за такое враз с работы бы полетел, и не только директор совхоза, или АО, – здесь отец изобразил презрительную гримасу, – как теперь называют, но и кое-кто в райкоме. А щас что? Как пошла эта разворуха...

(Разорение, разворовывание, разруха, заваруха – расплавленные огнем гнева и слитые в одно). «Емко, красиво», – мысленно оценил слово Олег, но не спешил – тоже мысленно – поддерживать отца.

– Ну ладно, давайте ужинать... – вздохнула мать, расставляя чашки с голубыми цветочками по ободку. Олег со скребущим звуком выдвинул табуретку из-под стола и сел, ощущая легкое волнение. Он исподлобья взглянул на отца. Это был подходящий случай проявить себя перед ним.

– Да-а, – слегка успокаиваясь, вздохнула мать, глотнув чая, – точно, разворуха… Разворуха и развал… И ведь большинство на референдуме голосовало за сохранение СССР, а страну все равно развалили… каждая республика – сама по себе!.. – вновь возбуждаясь, возвысила тон она.

Олег посчитал, что удобный момент наступил и вмешался:

– То, что сейчас происходит в стране, похоже на то, что было во времена феодальной раздробленности. А после нее наступил период объединения, который закончился примерно в правление Ивана Грозного диктатурой! – отчеканил он, с удовольствием замечая, что отец, похоже, с интересом и уважением прислушивается к его рассуждению. – И в истории не раз бывало, – авторитетным тоном разъяснял Олег, – что после периода разъединения наступает период объединения. Например: сначала революция и гражданская война, а потом – сталинская диктатура.

– Так что, во время объединения обязательно наступает диктатура? – спросила мать.

– Ну, может, это и не обязательно, но усиление государственной власти должно быть, а как же иначе? – Олег вдохновенно разглагольствовал, а перед его внутренним зрением проходили картины из «Хождений по мукам». Затем картины менялись, и вот уже Олегу виделись боярские шубы, воронье, спугнутое колокольным звоном и мечущееся, как лохмотья юродивого Никитушки на ветру… «…И-и, народец православный! Будешь плетьью бит, кровью мыт! А Никитушка – весел, весел! А боярин, глянь, нос повесил! Худо – бунт, лиходолье! А хуже – неволя!..»

– Сталинская диктатура? Хм… – отец мельком бросил взгляд на Олега. – При Сталине без разговоров расстреляли бы за такое… Сегодня в новостях – несколько тысяч шахтеров Кузбасса не вышли на работу. Забастовка! Бастуют, потому что им зарплату не дают!

– Ужас! Надо сестре написать… муж-то ее там при шахте работает… как они там?..

– Да-а, уж не от хорошей жизни бастуют. А эти… умники… только и знают, что программу за программой провозглашать, – то «пятьсот дней», то еще что-нибудь…

Слово «умники» отец произнес с нажимом, с каким-то особым смыслом, направленным против Олега – так Олегу почему-то показалось, и он внутренне напрягся, готовясь возразить, правда, еще не поняв, – что возражать и на что. Он вспомнил новостной сюжет, о котором говорил отец – физиономии в касках с фонариками, орущие и чумазые, как пьяный сосед. «Простонародье… Тебе-то что до них? У тебя пенсия хорошая», – промелькнуло у Олега в голове. Из размышления его вновь вывел голос отца:

– …на грани катастрофы! Такого никогда не было ни при Сталине, ни при Брежневе! А авторы обращения – все люди известные, ученые, писатели…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.